

Е Наньфэн едва сдерживал смех. Малыш думал, что сможет сегодня же покинуть задний двор, но его мечта не сбылась, и теперь он, наверное, страшно расстроен.

Однако, подумав о том, что теперь у него навсегда появится маленький «хвостик», Е Наньфэн перестал смеяться. Раньше он мог хотя бы избегать его, но если тот действительно переедет в его двор и будет «учиться» вместе с ним, одна только мысль об этом вызывала у него мурашки по коже.

Е Наньфэн невольно схватился за лоб. Почему он только что наблюдал за этим спектаклем, вместо того чтобы прервать его? Хотя бы пару слов сказать, чтобы малыш послушался маму и не стал так приставать к нему.

Зная этого малыша, он понял, что даже если Ян Фэнлань настаивала на том, чтобы у него был отдельный двор, он всё равно будет приставать к нему и в конце концов забудет о своём дворе.

Ведь дела переднего двора, даже если они касались княгини, Ян Фэнлань не имела права вмешиваться, так как передний двор был под управлением главы семьи, а задний двор — под управлением хозяйки. Это было древнее правило.

Е Наньфэн хотел дать себе пощёчину. Как он мог просто наблюдать за этим спектаклем? Теперь этот малыш нашёл способ донимать его, и это было самонаказанием.

Однако, как бы громко Е Наньфэн ни кричал в душе, его никто не услышал. Даже если бы услышали, дело уже было решено, и если бы он сейчас возразил, это вызвало бы недовольство остальных троих. Поэтому Е Наньфэн решил проглотить эту горькую пилюлю.

Он думал, что Ян Фэнлань не согласится, и поэтому спокойно наблюдал за происходящим, но забыл, что здесь ещё был Линьвань-ван.

Хотя в последние годы Ян Фэнлань казалась равнодушной к действиям Линьвань-вана, и их разговоры стали редкими, её чувства к нему были искренними. Она видела, что Линьвань-ван хочет, чтобы она согласилась, и, несмотря на внутреннее сопротивление, нашла причину согласиться.

На следующий день, несмотря на выходной, Е Наньмянь не мог сидеть без дела. Едва Е Наньфэн закончил завтрак, как увидел, как малыш подпрыгивая подошёл к его двору, за ним следовал Уци, несущий что-то в руках.

— Старший брат.

Типичный случай, когда голос слышен раньше, чем человек появляется.

Е Наньфэн даже не хотел поднимать на него глаза. Мысль о том, что в течение долгого

времени он будет видеть этого малыша и терпеть его приставания, пока не переедет из поместья, вызывала у него неприятные чувства.

Е Наньянь подпрыгнул к своему старшему брату, взял книгу из его рук и, несмотря на явное недовольство на лице Е Наньфэна, продолжал радостно улыбаться.

Е Наньянь:

— Старший брат, я пришёл.

Сказав это, он хихикнул, не решаясь взглянуть на выражение лица старшего брата, которое, скорее всего, было не самым приятным.

Он хотя бы понимал, что это неправильно, и чувствовал себя немного виноватым.

Малыш спокойно начал командовать толпой людей, следовавших за ним:

— Положите мои личные вещи в комнату старшего брата, а ненужные отдайте Уго. Завтра всё перевезём в новый двор старшего брата.

Все хором ответили:

— Да.

Е Наньфэн: «...»

Это мой двор. Я разве соглашался?

Е Наньфэн сдерживался, но больше не мог.

— Когда я соглашался, чтобы ты принёс сюда свои вещи? — спросил он. — Матушка знает об этом?

Е Наньянь гордо поднял голову и уверенно ответил:

— Матушка знает. Вчера вечером отец пошёл к ней, а сегодня утром, когда я пришёл, они ещё не встали. Я велел доложить матушке.

Его самодовольный вид заставил Е Наньфэна захотеть снять с него штаны и отшлёпать, чтобы он понял, кого лучше не злить. К сожалению, пока это оставалось лишь мыслью, и он не мог придумать, как справиться с ситуацией.

Е Наньфэн нахмурил свои изящные брови, схватился за лоб и решил поговорить по-взрослому:

— Ты сначала сделал, а потом спросил.

— Ничего страшного, отец сказал, что разберётся с матушкой.

Малыш, чувствуя поддержку, говорил с такой уверенностью, что, будь у него хвост, он бы уже вилял им от гордости.

Е Наньфэн наконец понял, насколько ненадёжен его номинальный отец, готовый продать себя, лишь бы их братья жили в гармонии. Это вызывало уважение.

Е Наньфэн догадался, что его отец, возможно, хотел, чтобы они жили дружно, несмотря на напряжённость с Ян Фэнлань, но не ожидал, что он готов на такие жертвы, даже отправившись в её постель.

Хотя это было сделано с благими намерениями, Е Наньфэн сейчас совсем не хотел этого принимать.

Е Наньфэн:

— Иди.

Дело было сделано, и Е Наньфэн смирился, закрыв глаза, чтобы не видеть происходящего.

В течение следующих часов Е Наньфэн видел и слышал, как Е Наньмянь, словно хозяин, осматривал свою территорию, наблюдая за тем, как Уци и Уго расставляли принесённые вещи, а сам радостно командовал, если что-то было не так.

Это был настоящий маленький деспот, осматривающий свои владения. Но это был его двор! Откуда у этого малыша такая наглость?

Его голос был настолько громким, что можно было подумать, что это его двор. Он звучал так уверенно и властно, что Е Наньфэн скрипел зубами.

Этот малыш пришёл в его двор, чтобы похвастаться, и так шумно! Мысль о том, что в будущем его двор будет заполнен этим малышом, вызывала у Е Наньфэна чувство безысходности.

Не выдержав, Е Наньфэн положил книгу и поманил малыша:

— А-Мянь, иди сюда.

Е Наньмянь, которого до этого игнорировали, с радостью подбежал к старшему брату, ожидая:

— Старший брат, что случилось?

Увидев искреннюю радость малыша, выражение лица Е Наньфэна смягчилось, и он серьёзно сказал:

— Подойди ближе. Боишься, что я тебя съем?

Е Наньмянь радостно бросился в объятия, громко сказав:

— Не боюсь!

Е Наньфэн:

— Вот и хорошо.

Затем он грубо поднял малыша, прижал его к себе и укусил за щёку, оставив на его гладкой, как шёлк, коже следы от зубов.

Е Наньфэн спросил:

— Боишься?

Малыш уверенно ответил:

— Не боюсь!

Е Наньфэн с трудом сдерживал желание отшлёпать его. Его не слишком большая ладонь держала голову малыша, а другой рукой он начал теревить его аккуратно уложенные волосы, пока они не превратились в птичье гнездо.

Е Наньфэн, всё ещё недовольный, сильно сжал щёку малыша.

Уго, увидев действия своего господина, невольно усмехнулся, подумав, что его господин, кажется, внезапно стал ребёнком. Уци же с удовольствием наблюдал за тем, как наследника наконец-то наказали, ведь он всегда вёл себя так, как хотел.

Остальные слуги, особенно те, у кого были дети, видели в этом братскую любовь и гармонию, и их материнские инстинкты заставили их работать ещё усерднее.

Е Наньфэн хотел бы втереть этого малыша в себя, чтобы тот больше не докучал ему.

Е Наньфэн спросил:

— Теперь боишься?

Е Наньмянь задумался, затем ответил:

— Не боюсь.

Но его голос уже не был таким уверенным.

Е Наньфэн подумал: «Малыш, я тебя всё-таки проучу».

Затем он зажал голову малыша под мышкой, укусил его за ухо и продолжал сжимать его гладкие щёки.

Е Наньфэн:

— А теперь?

Е Наньмянь, похоже, понял намерения старшего брата — он хотел, чтобы он сдался. Это было просто. Перед другими он бы не стал, но старший брат — не чужой. Если уступить, чтобы успокоить его, то почему бы и нет? Малыш вздохнул, понимая, что старший брат, несмотря на внешнюю зрелость, тоже нуждается в заботе. Видимо, в будущем придётся чаще его утешать.

Итак, Е Наньмянь сказал:

— Старший брат, я виноват, мне страшно.

С этими словами он полностью обнял Е Наньфэна.

<http://bllate.org/book/15521/1379570>